

И. С.
АКСАКОВ

Сочинения

Иван Сергеевич Аксаков

В чем сила народности?

«У нас нередко ставят в упрек Пруссии онемечение ее польских владений; «германизм» или «тевтонизм» является в глазах русских и польских патриотов – «яко лев рыкаяй, иский кого поглотити». Соприкосновение с немцами, допущение немцев селиться в Польше и России представляют такие опасности для нашей славянской народности, против которых, по мнению автора «Писем поляка из Познани», необходимо принять быстрые и энергические меры. Прибавим к тому, что точно таким же злым врагом, готовым поглотить нашу русскую народность, мерещится нам (и не без основания) полонизм в Литве и Западном крае России...»

Иван Сергеевич Аксаков
В чем сила народности?

У нас нередко ставят в упрек Пруссии онемечение ее польских владений; «германизм» или «тевтонизм» является в глазах русских и польских патриотов – «яко лев рыкающий, иский кого поглотити». Соприкосновение с немцами, допущение немцев селиться в Польше и России представляют такие опасности для нашей славянской народности, против которых, по мнению автора «Писем поляка из Познани», необходимо принять быстрые и энергические меры. Прибавим к тому, что точно таким же злым врагом, готовым поглотить нашу русскую народность, мерещится нам (и не без основания) полонизм в Литве и Западном крае России...

Германизм, теvтонизм... В самом деле, что это за страшный зверь, пред которым не стыдятся обнаружить свою трусость самые отчаянные польские смельчаки?.. Полонизм... Какое же это могущество, которое, по-видимому, так смущает могущественное русское государство? Какая сила в этих *измах*? Что это – армия, что ли? Нет, не армия, да у нас есть и свои армии, получше немецких и польских... Уже не новое ли нашествие полчищ, вроде

полчищ Батыея, или Магомета II, или Солимана? Нисколько, да и по отзыву всех польских и русских писателей, тевтонизм всего опаснее для Польши, а полонизм – для Западно-русского края во времена мира: вся сила этой враждебной силы именно в *мире*. Что же это? Государство ли, стремящееся поработить чужую народность?.. Но цельной государственной Германии мы не видим, да и нет такого немецкого штата, который был бы один выражением германизма; а Польское государство уже лет семьдесят как вовсе не существует. Что ж это наконец? Учреждение ли, крепкая ли организация какого-нибудь института, стройная ли система, всеми принятая, всеми послушно приводимая в исполнение, тайное ли общество, заговор, в котором участвующие дружно повинуются условленному плану действий?.. Нет ли, в самом деле, возможности осязать, ощупать этого могучего врага, наступить на хвост грозному чудовищу, отрубить его голову, или хоть запереть в железную клетку?

Разумеется, нет, ответят наши читатели. Если же эти *измы* не материальная сила, то в

этом страхе, например, германизма у поляков, не выражается ли в то же время довольно унижительное признание своей собственной нравственной слабости? И сами мы разве не стыдимся говорить во всеуслышание, что боимся *ополячения* наших Западных областей, точно так же, как поляки *онемечения* Познани? Поляки приходят даже к заключению, что гнет и притеснение несравненно выгоднее для здоровья и долголетия польской народности, возбуждая ее противодействие, чем немецкое деликатное обращение, усыпляющее польское народное чувство... Впрочем, оставим полонизм в стороне: для нас достаточно определить значение этой силы на примере германизма или тевтонизма. В этом страхе, повторяем, выражается у поляков признание за немцами такого могущества нравственного влияния, пред которым ничтожна польская храбрость. Дерзкие, почти непобедимые в бою на ратном поле в борьбе грубых вещественных сил, они почти без сопротивления сдаются в мирном бою пред натиском мирной, невещественной, умной, духовной силы! Мы уже выше одною по-

становкою вопроса, кажется, ясно для читателей показали, что это влияние есть чисто нравственная сила, которою никто не управляет, не распоряжается, которую никто не организовал и не организует; что это не государство и не институт; что она, как тонкий воздух, проникающий в самые сокровенные волосяные сосуды человеческого тела, обхватывает собою целые страны, проникая в ум, душу и сердце человека, окрашивая своим неуловимым для определения колоритом все его представления, видоизменяя по-своему его убеждения, вторгаясь в самую речь, в самый быт народный. Нам скажут, что в этом нет ничего нового, что «высшая культура всегда подчиняет, ассимилирует себе культуру слабейшую». Это, конечно, справедливо, но не следует забывать одного, что эта культура не есть что-то общее и отвлеченное, а реальное, жизненное явление, органически возникшее на известной почве, под определенными условиями места и времени. Если бы дело шло вообще о преимуществе культуры или образования, то необразованный поляк стал бы европейски образованным поляком и

только, но он перерождается в немца, усваивает себе не одну так называемую культуру, но и национальность, резко определенную и обособленную в семье разных национальностей человечества. Дело в том, что самая эта культура есть произведение национального германского духа, самостоятельный вклад германского племени в общую сокровищницу всемирно-человеческого просвещения. Для того чтобы творить и создавать, надобно носить в себе самобытную творческую и жизнедательную силу, чтобы подчинить себе чужую личность, надо самому быть не безличным, а обладать личностью самостоятельной и развитой – одним словом, чтобы *онемечить, надо быть немцем.*

Так; но разве поляки менее поляки, чем немцы немцы? Бесспорно, что польская национальность – одна из самых упругих, упорных национальностей, однако ж она слабее германской, и слабее именно потому, что польская самостоятельность более внешняя, чем внутренняя, более материальная, чем духовная; что *самостоятельной* польской культуры у поляков почти нет, что просветительное

начало цивилизации в Польше, принесенное из Рима, было чуждо ее славянской стихии и дало только искусственные, по внешнему виду блестящие, но внутри гнилые плоды; одним словом, что цивилизация польская менее *народна*, чем германская, что образованный поляк *безличнее* образованного немца.

Посмотрите вообще на это грустно-поучительное зрелище духовных завоеваний германизма как в польских, так и в других славянских землях. Не вещественное могущество дает ему победу, не угнетательные системы правительств: напротив, едва ли не большая опасность стала грозить славянским племенам Австрийской империи с тех пор, как материальный гнет сделался менее чувствителен и национальному развитию предоставлено больше свободы. Немцы разных племен, разных местностей, без всякой даже стачки между собою, онемечивают славянство только потому, что они – немцы (подобно тому, как французы офранцуживают потому, что они – французы); потому еще, что национальность свою внесли они в высшую область духа, что она не зависит ни от материальных

удобств жизни, ни от политических условий, что она не осталась достоянием лишь одной необразованной массы простого народа...

Почти в таком же отношении находится полонизм к Западной России, в каком германизм к самой Польше, – с тою разницей, что у нас действие этой нравственной силы еще поразительнее. Польская культура сама по себе, как мы уже показали, не в состоянии выдерживать напора германизма по недостатку национальной в ней самобытности, но тем не менее, не обрусение видим мы в областях, бывших долго частью Польского королевства, а *ополячение*. Любопытен и достоин тщательного исследования вопрос: отчего же при этих условиях мы не *обрусили* Западный край, владея всеми нужными для того материальными способами, и даже внешними соблазнами государственной силы, могущества, славы? Отчего мы не обрусили Остзейских провинций? Правда, последние пользуются особенными преимуществами, – но ведь губернии Западного края не ограждены никакими привилегиями в пользу польской стихии, напротив, русский элемент поддержива-

ется там всеми средствами русского могущества.

Ответ наш очень прост. Чтобы *обрусить* – надо быть *русским*, а русских-то между нами и нет. Поляки более поляки, чем мы русские. Прежде чем *обрусивать* (если можно так выразиться) поляков, русским следует *обруситься* самим. Конечно, русский простой народ несомненно и неколебимо русский, но, как мы уже не раз говорили, одна непосредственная бытовая сила народности, без народного самосознания, без деятельности народного духа в высшей области мысли и знания, есть сила пассивная, не только не способная подчинять себе чужие, сколько-нибудь развитые народности, но сама легко, незаметно им подчиняющаяся. Повторяем, без высшей сознательной деятельности народного духа народность масс не надежна. Область же этой деятельности есть именно то, что называется обществом, то есть среда, где личное просвещение народных единиц, переставших быть однородною массою, образует новое сознательное народное единство, новую силу общестственности. А есть ли у нас эта сила? Есть ли

у нас русские, кроме простого народа, лишенного всяких средств к образованию? Есть ли у нас это русское общество?

Разрешению этого вопроса может нам отчасти пособить помещаемые нами ниже письма из Парижа. Что делает русское общество в то самое время, когда мы так бедны и слабы общественной силою, когда нам так настоятельно нужно общество, как необходимый орган народного развития? 275000 русских, уехавших в 1860 г. за границу – эта цифра служит самым красноречивым ответом: 275000! Это значит, по крайней мере, 70000 семейств; это почти целая четверть русского дворянства, – но, разумеется, не одно дворянство участвовало в этой эмиграции. Разумеется также, что значительная часть уехавших возвратилась, – да мы и не против путешествия по чужим землям и считаем его даже очень полезным, – а наша речь направлена против той огромной массы русских, которые из путешественников обратились в оседлых заграничных жителей, и в особенности против тех, которые воспитывают своих детей за границей. Хороши выйдут русские – эти

несчастливые дети, так деспотически лишаемые родителями всего, что может дать только отчизна: общего единства жизни с русским народом, родного быта, связывающего дитя неуловимыми нитями с его землею, воспитывающего и укрепляющего человека в духе его народности сильнее и прочнее всяких уроков и наставлений, впечатлений родной природы, непосредственного действия на ум и душу народного ума, народной речи... Такое варварское посягательство на детские души приняло у нас в последнее время громадные размеры. Нежные родители без церемоний *крадут* у русского ребенка его народность и уверяют себя и других, что готовят самостоятельных деятелей, полезных граждан и гражданок, воображают, что исполняют свой долг, приносят жертву, пребывая за границей. И все это ложь! Они даже и жертвы никакой не приносят, а живут за границей потому, что им там приятнее, чем дома, где они, в душевной своей пустоте, не находят для себя дела, или где, напротив, есть дело, трудное, некрасивое, но тем не менее полезное дело, которого они бегут, предпочитая быть праздными,

чуждыми гостями на чуждом пиру; они готовят не самостоятельных деятелей, о чем они вовсе и не заботятся, а космополитов с обще-европейскою казенною физиономиею и душою, без национальности, без отечества, без церкви, – людей, которым подобных не представляет Европа, где нет безличных физиономий, где немыслимо человеческое развитие вне народности. Недавно в «Московских Ведомостях» напечатано воззвание русских дам и кавалеров, пребывающих в Дрездене, к благотворительности русских, живущих в России, для довершения в Дрездене православной церкви. Особы, подписавшие это приглашение, умилительно описывают удобство и прелесть дрезденского житья и наивно говорят о выгодах воспитания русских детей среди немцев. Известно, что Дрезден сделался теперь чуть-чуть не русскою колонией, так что число детей, воспитываемых в Дрездене, представляет очень почтенную цифру. Для того же, чтоб это отступничество от своей народности совершилось с большим комфортом без упрека для робкой совести, и главное служило приманкой для прочих русских семейств,

еще коснеющих в России, построена там русская церковь. Если бы в Дрездене жили только бедные русские, лишенные средств воспитывать детей дома, мы бы не сказали ни слова, но судя по подписям мы вправе утверждать, что эти семейства имеют полную возможность дать прекрасное воспитание своим детям и в России. К чему же совершать, повторяем, это воровство-кражу у русских детей их русской народности?

Точно с тою же целью предполагается постройка церкви и в Женеве, где в настоящее время до 200 русских семейств воспитывается в разных швейцарских пансионах...

И это наши будущие вожди народа! Это будущий состав русского народного общества!

Ни презрение иностранцев, так громогласно высказавшееся недавно во французском сенате и английском парламенте устами принца Наполеона, Бонжана, Генесси и других, ни оскорбления, наносимые ежедневно и ежечасно русской не только государственной, но и народной чести всеми органами европейской публичности, ни положение самой России, трудное, исполненное опасностей,

России, вступившей в критический период существования, России, богатой делом всякого рода, не правительственным только, но и общественным, – ничто не вразумляет, ничто не возмущает наших заграничных русских, продолжающих тратить в пользу иноземцев наши русские деньги!

Спрашиваем опять читателя: в состоянии ли *эти* русские, изготовляемые нам слабумием попечительных русских родителей за границей, в состоянии ли они будут *обрушить* опояченных туземцев Западного края, сладить с напором германизма, возродить к самостоятельной нравственной деятельности русское общество, восстановить союз общества с народом, стать представителями русского народа и оживить Россию новыми духовными силами, силами просвещенной русской народности, без которых все ее материальное могущество мертво и бесплодно!

С подобным обществом мы не в состоянии дать никакого отпора Европе... Оставляя в стороне заботу о заграничных русских, подумаем о том, как бы освежить, обновить силою русской народности остатки русского обще-

ства у нас, дома... Начало тому мы видели недавно на новых городских выборах, в зале благородного собрания в Москве, 16 марта, где *пятьсот* представителей разных сословий собрались в первый раз, вместе, для общественного Дела... Благое начало!